

РАБОТЫ ПОЛУФИНАЛИСТОВ КОНКУРСА "ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ"

Не вера

За окном электрички мелькали маленькие столбики, и цифры на них, как в арифмометре, перебрасывали величины по нарастающей - от единицы до девяти. Затем верстовой столб - и умчался вдали еще один километр.

Владимир Николаевич, он же Вовчик, он же Вован, он же Володенька, а сейчас просто воплощенная Память, Память своей жизни, смотрел на цифровую мультипликацию и вспоминал.

Если б кто-нибудь в это время заглянул в его глаза напрямую, то познал бы, что совершенно зрячий человек может, в упор глядя, не видеть происходящего вокруг него. Он весь был там, в своей прошлой жизни, а прошлого уже нет, будущего еще нет и настоящее смутно. Его нервная система после долгих напряжений не вынесла удара последнего события и надломилась. Сейчас она отдыхала в теплом детстве; даже в боевых ситуациях, где вчерашний незнакомец становился другом, а друг становился братом; в первых успехах бизнеса и любви. Приятно и горько было перебирать дни свиданий, торжественных моментов, рождение ребенка. Он непроизвольно вздрагивал, когда открывалась в памяти карта пустой масти. Но, так уж устроена наша психика, что даже сквозь боль он снова и снова погружался в тепло прошлых дней и лет.

«Как бы хорошо все вернуть или вернуть самому в это время и не выходить из него. Все бы отдал, все до последней копейки!» - думал Владимир, но, усмехнувшись своей предполагаемой сделке, вспомнил, что отдавать уже нечего, по крайней мере, завтра точно ничего не будет. Завтра - срок, завтра - последний день. Все возможные варианты он перебрал и видел только один реальный выход, и он же виртуальный, как в том анекдоте.

Владимир даже немного приободрился из-за того, что чувство юмора не покинуло его в хмурых до черного мыслей, и мысленно обратился к этому чувству: «Хоть ты не «кин» меня!»

Владимир ехал в никуда, пересаживаясь из электрички в электричку, затем в дизель-поезд, и где-то там, в чистом поле, непременно в чистом поле, а не в лесу, чтобы было видно небо светлое или звездное, он встретится с Этим!.. Краткий миг - и навсегда, на вечность. Страх не было.

Не было страха за себя. Жгла сердце ответственность за семью. Он знал, что плохо и больно им не сделают, но и никто больше не поможет в этой жизни. Придется врать самому, а сделать это будет гораздо тяжелее, чем когда-то приходилось самому Владимиру. Сам он постоянно закалялся в жизни,

рихтовался ею со всех сторон безжалостно, сам таким же безжалостным становился, но все равно не утратил в себе до конца тепла материнской утробы, не забыл дымки колыбельных напевов.

Надо было бы остановиться год назад, денег бы хватало на три поколения вперед для нормальной жизни. Но...но...но...

По вагону прошелся продавец, прокричав рекламную песню, что ненадолго вернуло Владимира в мир бытия. И опять горькая мысль - «Ах, если бы... Если бы не последняя сделка...»

Всю жизнь ему сопутствовала удача, порой невероятная, что он сам в нее не мог уверовать. Часто смотрел на небо и искал глазами ту звезду, говорил со своей невиданной помощницей и заступницей и уверовал в нее крепко. Он хоть нерегулярно, но посещал церковь, жертвовал от души, благотворил при случаях, особенно на детей; сам ведь он вырос без отца, а мать помнил из детства всегда в работе, заботах, но при всех трудностях всегда спокойную и ласковую.

«Знал ведь, - говорил сам себе Владимир, что это не может быть бесконечно, да русский дух, русская бесшабашность, присутствующая даже в самом расчетливом русском человеке была причиной всему. Но он гордился этим даже сейчас и опять жалел семью.

От толчка в плечо он не вздрогнул, он ждал этого. Видел как его «пасут».

«Грохнуть или оставить все как есть? Руки жаль, связаны семьей, - быстро промелькнуло в голове».

Свирепо зыркнув острым глаза-лезвием вдоль своего плеча, где лежала чужая ладонь, взгляд Владимира встретился с знакомым уставшим взором женщины-контролера. Билета не было, он их просто не покупал. Женщина чем-то напоминала мать. Владимир не осознавая, смотрел на нее внимательно нежно, потихоньку расслабляясь внутри. От чутких глаз женщины не ускользнули мягкие изменения в безбилетном пассажире; быстро и незримо протянулась между ними нить.

«Что, сынок, торопишься?» - с участием, даже ласково опередила она его. В один миг на душе от прозвучавшего тембра стало уютно и тепло, как в детстве на день рождения или на новогоднюю елку.

«Нет, мать, наоборот, никуда не спешу», - сказал Владимир.

«Ну, да бог с тобой!» - с этими словами женщина запоздало сняла руку с плеча и пошла дальше по вагону. Съехались двери вагона, прогрехотав, замолчал тамбур и скрылся за собой женщину.

Владимир, как после внезапного пробуж-

дения подскокил, прошагав по вагонам догнал ее, остановил и протянул ей денег, разных - русских и «зеленых».

«Это тебе мать штраф за проезд, дай только на память квитанцию. Сдачи не надо. Купи на них себе платок. Нет, два - ярких, красивых, и поставь свечу за меня», - сказал он, словно выпалил, а про себя подумал: за покойной души.

Упорствуя в отказе от денег, она по-матерински понимала и угадывала его состояние. Владимир сунул всю пригоршню в ее сумку, повернулся и легко, ровно пошел обратно, но не сел на прежнее место, а пошел в другой вагон. Он был почему-то удовлетворен случившимся. Пора выходить, Владимир чувствовал - то поле, о котором он мечтал, здесь рядом.

Вышел на платформу, рядом с которой мужик по вскопанному огороду сажал картошку, а ласточки или стрижи садились тут же на грядки и маленькими клювами выбирали что-то из земли. Подобной картины он не припоминал. Но было приятно смотреть на труд двух разумных существ.

Кругом был покой и мир. Вдалеке паслись свободные козы, рядом ходили важно гуси, куры разгребали сор лапами, откидывая его за себя, на привязи лежал дремал бычок, дерганьем ушей и дрожью по коже отгоняя назойливых слепней. Рядом с перроном малой и девочка продавали молоко, а лоточница предлагала выпечку и хлеб.

Деньги наличные еще были, Владимир распахнул их по разным карманам, когда ушел из дому. Вначале купил горячего хлеба. Запах, хрустящая корочка отнесли его память в детство, в родной дом - мелкими коготками на душе «заскребли мыши».

Подойдя к ребятам, он взял в полутора литровой полиэтиленовой бутылке из-под «Дюшеса», молоко и щедро расплатился.

«Надо им отдать все, что осталось в карманах», - принял он решение.

Из правого вместе с деньгами он достал мобильный телефон, который еще раньше отключил, чтобы не докучали звонками, из левого извлек заряженную обойму от пистолета и деньги. Блеск пуль поразил пацана больше, чем деньги и «мобильник», а девочка смотрела на все спокойно, но с интересом. Она не знала цену увиденного.

Деньги он раздал поровну - ей из правой руки, ему из левой. Отдавая пацану патроны и телефон, Владимир напутствовал: «Стреляй только в тире!»

Белое молоко, хрустящий хлеб и черная вороненая сталь составили теперь все его состояние. Да, было еще поле, к которому он шел с необычайной легкостью. Голода он не испытывал, но пил молоко, пил медленно,

неторопливо, маленькими глотками, с наслаждением откусывая хлеб.

После нескольких минут дороги он заговорил сам с собой: «Куда набрал столько? Ладно, молоко налью скижу, а хлеб скрошу птицам». С этими словами он налил молоко в выемку в земле, уложенной лопухами, покрошил рядом хлеб и зашагал далее к видимому уже полю. Мысли стали приобретать суховатость, а самая суровая вытесняла все остальные и надменно взирала на Владимира. Он ее не боялся, но уже не радовался окружающему миру, солнечному небу, не слышал жаворонка и кукушки, которая отсчитывала жизнь какому-то счастливцу.

Вот она самая середина - был зрительный расчет. Скованная мысль теперь взирала во все стороны. Владимир спокойно обнял рукоять пистолета, там же подмышкой взвел курок, и почти не вынимая пистолет из кобуры, развернул ствол к сердцу. Сердце билось сильными толчками, словно готовилось вернуться от угрозы, кровь давила голову. Владимир вдруг стал четко слышать голоса друзей из его детства: «Вован, Вовец! - кричали они. - Вов-чик!» «Чик» - шелкнул спусковой крючок.

Грохота он не услышал, а боли не почувствовал. «Блин!» - в сердцах выпалил он, быстро взвел повторно курок - и опять осечка. Он обнажил руку с пистолетом и извлек обойму. Она была пуста.

«Забыл в суете заменить после стрельбы в тире», - мысль с трудом проползла в гулком тумане. Голова гудела и была наполнена разными звуками, голосами, зовущими его... Вован, Вовец... дядя Володя...

«А это еще откуда?» Сознание стало приобретать ясность. На всех парах, не чуя под собой ног к нему от платформ летел пацан: «Дядя Володь, возьмите, мне вашего не надо. Возьмите обратно!». «Слава богу, кому заготовлена пуля - воды не хлебать!»

Но у подбежавшего мальчика в руке был только мобильный телефон. Он протягивал его, а мобильник кричал одновременными голосами его друзей: «Вован, Вовец, Вовчик! Ты что сбрендил?! Мы в полчаса, когда узнали, все уладили. Потом, когда разбогатеешь, расплатишься. Давай возвращайся! Не дури!! Мы тебя любим и ждем». «А я вас», - сказал он знакомым ему голосом, обняв пацана. «А я вас.., а я вас...», - стал повторять он, рыдая, затем захлебнулся и потоп в слезах.

А в это время в небольшой церквушке ровно горела свеча, поставленная во здравие, и губы шептали слова молитвы восходящие к куполу: «Спаси и сохрани».

В.С.Горшков

Заместитель директора по организационным вопросам Каширский ГРЭС-4